

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XVIII.

1908.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТОСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

но сообщается зато объ измѣреніи двуграннаго угла его линейнымъ (стр. 65); вводится эллипсъ, какъ сѣченіе цилиндра, дается понятіе о его центрѣ и осяхъ (стр. 72—73), но не упоминается о его фокусахъ и способѣ вычерчиванія. Стало быть, геометрія по Гурвичу едва ли имѣетъ въ виду практическія цѣли. Подготовлять же къ научному курсу слишкомъ преждевременно, хотя авторъ и пользуется иногда ходячими доказательствами теоремъ (напр., о вписанныхъ углахъ, стр. 38—39); но переложеніе этихъ доказательствъ изъ повѣствовательной въ вопросительную форму отнюдь не сдѣлаетъ ихъ менѣе недоступными для ребенка.

Вѣроятно, для большей удобопонятности, авторъ употребляетъ несовсѣмъ русскія выраженія: „*проводимъ кусокъ прямой линіи*“ (стр. 6); „*достаточно отложить точки и примѣрить разстояніе между ними*“ (стр. 20); „*равглядывать чертежъ подѣ лупу или подѣ микроскопъ*“ (стр. 34); „*если между двумя или нѣсколькими фигурами каждой уголъ одной находитъ равный себѣ уголъ въ остальныхъ фигурахъ*“ (стр. 50—51); „*сложи двѣ карты вдвое, такъ чтобы каждая разбилась на двѣ плоскости*“ (стр. 64) и т. д. Являются какіе-то „*правильные цилиндры*“ (стр. 71), „*плоскіе параллелоэпиды*“ (стр. 75, 76) и т. п.

Удивляться надо, впрочемъ, не тому, что г. Гурвичъ пожелалъ опубликовать свои педагогическіе опыты, а тому, что нашелся для нихъ издатель.

Книжка, по моему мнѣнію, нигуда не годится.

В. Соллертинскій.

*Переводы Д. С. Мережковскаго (въ изданіи товарищества „Знаніе“. С.-Пб. Невскій, 92). 1) Эсхиль. Скованный Прометей. Съ портретомъ (?) Эсхила. Изд. 3-е. 1907. С.-Пб. Стр. 47. Цѣна 80 коп. 2) Софокль. Эдипъ-царь. Съ портретомъ (?) Софокла. Изд. 3-е. С.-Пб. 1907. Цѣна 40 коп. Стр. 74. 3) Эдипъ въ Колоде. Изд. второе. Стр. 87. С.-Пб. 1900. Цѣна 40 коп. 4) Антигона. Изд. третье. 1906. С.-Пб. Стр. 83. Цѣна 40 коп. 5) Эврипидъ. Мидя. Съ портретомъ Эврипида. Изд. второе. С.-Пб. 1904. Стр. 62. Цѣна 40 коп. 6) Ипполитъ. Изд. второе. 1904. С.-Пб. Стр. 66. Цѣна 40 коп.

Переводы г. Мережковскаго хорошо извѣстны читающей публикѣ: нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Прометей и Антигона, были когда-то напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“. Легкій стихъ, отличный литературный языкъ, мѣстами чувствительность и искреннее одушевленіе,—все эти качества переводовъ г. Мережковскаго давно оцѣнены. Но чего ему безусловно недостаетъ—это изученія подлинниковъ.

Слабѣ всѣхъ, по моему, переводъ Прометея. Текстъ Эсхила нельзя прямо переводить: его надо изучать (см. стр. 1, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25), и это переводчикомъ сдѣлано не было. И переводъ Прометея я рекомендовать бы особому вниманію гимназій не рѣшился.

Дѣло въ томъ, что вообще переводы классическихъ произведеній античности нельзя разсматривать, какъ другіе переводы, хотя бы и тоже выдающихся произведеній художественной литературы. Традиція школъ всего міра видитъ въ нихъ образцы, и къ осторожному обращенію съ ними, въ подлинникѣ ли или въ переводахъ, педагоговъ обязываетъ уже одно это.

Лучше, по моему, переводъ Софокла (см. также стр. Аяг. 1, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 37, 38, 39; Эдипъ царь 16, 38, 39, 40, 43, 54, 55, 57, 59, 60, 61, 64; Эдипъ въ Колонѣ 41, 34 et passim безусловно самый лучший переводъ). Въ гимназіяхъ нашихъ эти переводы распространены и часто рекомендуются учащимся.

Переводъ Ипполита былъ когда-то подробно разобралъ мною (въ первый годъ существованія „Филологическаго Обозрѣнія“, т. е. лѣтъ 14 назадъ). Къ сожалѣнію, въ новомъ изданіи не исправлены ни одна изъ явныхъ неправильностей и неточностей работы. Будучи самъ авторомъ стихотворныхъ переводовъ и Ипполита и Мелен, которые были въ свое время напечатаны въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а теперь вышли отдѣльной книжкой, я боюсь придать теперь моему разбору нѣсколько субъективный характеръ, ибо этотъ разборъ былъ бы лишь сравненіемъ даннаго перевода съ моимъ, который и опредѣляетъ мѣру моего пониманія Еврипидоваго текста.

Въ триумвратѣ аттической трагедіи Еврипидъ занимаетъ не столько почетное, сколько оригинальное, своеобразное мѣсто. Его трагизмъ, сильно приправленный „игрой страстей“ (πάθος), съ рѣзкими, сильными эффектами (какъ извѣстно, Аристотель называлъ Еврипида „τραγικώτατος“), съ сильно замѣтными мѣстами риторико-философскимъ и даже политическимъ привкусомъ, съ стремленіемъ къ реализму, даже къ парадоксальности въ отдѣльныхъ деталяхъ композиціи, при чрезвычайно богатой и разнообразной фразеологіи—все это дѣлаетъ текстъ Еврипида далеко не легкимъ для передачи на русскій языкъ въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ видѣ, особенно если переводчикъ пожелаетъ считаться съ разбѣнными у Еврипида въ изобиліи гномами, афоризмами, парадоксами, передача которыхъ требуетъ особо тщательной обработки.

Для приличнаго перевода Еврипида отнюдь не достаточно тѣхъ скудныхъ знаній по греческому языку, которыя выносятся изъ гимназій и лишь немного увеличиваются въ университетѣ (если только не идти на „классическое отдѣленіе“); здѣсь нужно солидное изученіе и языка вообще, и автора въ частности, эпохи, въ которую онъ жилъ, культурныхъ условій, въ которыхъ протекало его своеобразное творчество.

Для приличнаго перевода Еврипида не достаточно взять первое попавшееся греческое изданіе его текста; его текстъ надо изучить, проштудировать критически, вооружиться солиднымъ экзегетическимъ аппаратомъ, а не какими-нибудь французскими или нѣмецкими переводами; Еврипида надо—и это *conditio sine qua non*—брать изъ первыхъ рукъ, у него самого, а это не легкое дѣло...

При всемъ версификаторскомъ искусствѣ почтеннаго переводчика, ему недостаетъ не только глубокаго изученія Еврипида, но даже просто хорошаго знанія греческаго языка; вотъ нѣсколько примѣровъ изъ *Меды*:

1. о, лучше бы отважныя аргонавта
въ далекую Колхиду *кораблей*
не направлять...

въ оригиналѣ рѣчь идетъ не о *корабляхъ*, а объ одномъ только *кораблѣ*, Ἄργους σκάφος; неужели переводчикъ принимаетъ род. единств. Ἄργους за форму множ. числа?

2. *мыс:* о, лучше бы не падала сосна...
на весла и т. д.

въ подлинникѣ τῆ θεῖα κεύχη упала вовсе не *на весла*; переводчикъ не замѣтилъ, что μήδ' ἐρετῶσαι—отдѣльная мысль.

3. *еще мыс:* *Пелій* (Πελία) смѣшанъ съ *Пелеемъ*!! А πόρος Ἰωλχία; переведены „*Юлковы стѣны*“!

4. и я боюсь, чтобъ остраго меча
себя парца не возила въ сердце

въ оригиналѣ: δευραῖνα τέ νιν, μή θηκτόν ὄση φάσγανον δι' ἥρατος, рѣчь идетъ о замышляемомъ убійствѣ дѣтей, а вовсе не о самоубійствѣ... „Самоубійство“ не вяжется съ послѣдующимъ.

5. несчастья *своего*, безпечные, они еще не знаютъ...

въ оригиналѣ: μητρὸς οὐδὲν ἐννοούμενοι κακῶν, т. е. о несчастіяхъ *матери* своей.

6. о, *добрая*, почтенная рабыня владычцы моей...

въ оригиналѣ: παλαιὸν οἶκον κτήμα θεοποιήης ἐμῆς, т. е. совсѣмъ не то! и т. д. и т. д.

Въ ст. 404 Ἰάσονος γάμοι передано „язоновы любовницы“!

Не лучше обстоятъ дѣло и въ „Ипполитѣ“.

1. *я зрзала богиня Афродита...*

въ подлинникѣ: κολλῆ μὲν ἐν βροτοῖσι κοῦκ ἀνώνομος θεὰ κήληται Κύπρις; откуда переводчикъ взялъ *зрзала*?

2. ст. 15-й опущено Φοίβου δ' ἀδελφῆν, что очень важно.

3. *и свѣтлыми струями нимфа рѣкъ
стыдливныя деревья орошаетъ...*

орн.: Αἰδώς δὲ ποταμίαια κηλεύει δρόσοις, т. е. совсѣмъ не то!

4. *о, если бы у ногъ твоихъ, любви,
окончить могъ я жизнь мою, какъ начала!*

орн.: τέλος δὲ κάμψαιμ' ὡσπερ ἤρξάμην, βίον; въ оригиналѣ нѣтъ того слащаваго романтизма, какой внесъ переводчикъ въ свое произведение.

Ст. 340 σύγγονος переведено „усопшій“!

Еврипидѣ не заслужилъ такого къ себѣ отношенія со стороны русскаго переводчика!

III. Ашмелевичъ и III. Холодницъ.

**Аркадій Сосницкій*. Теорія словесности. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье, значительно исправленное. Москва 1906. Стр. 150. Цѣна 60 коп.

Настоящее изданіе имѣнено къ лучшему. Особенностью книги является включеніе въ нее выписки изъ различныхъ сочиненій по исторіи или теоріи словесности: къ сожалѣнію, въ книгѣ, издаваемой въ 1908 году, приходится встрѣчать выписки изъ книгъ 1856 года (Овидій — по статьѣ Знаменскаго, въ Библ. для чт., 1856 г., сатира, по Словарю древней и новой поэзіи, Остолопова). Но когда, вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлаютъ это многіе составители учебниковъ, говорить о существѣ творческаго процесса по собственнымъ заключеніямъ, г. Сосницкій приводитъ подлинныя слова людей, переживавшихъ самый процессъ (Лермонтовъ, Гончаровъ), то этому нельзя не сочувствовать.

Примѣрами книга г. Сосницкаго богата, и притомъ, къ чести автора, надо сказать, что онъ обновилъ подборъ своихъ примѣровъ (см., напримѣръ, парадигмы на иронию и сарказмъ стр. 85 сл.).

Вообще книга составлена внимательно и въ изложеніи чувствуется хорошій практикъ преподаванія.

Отрицательной стороной книги является, по моему, включеніе въ нее отдѣла элементарной психологіи и логики.

Наша школа, — по крайней мѣрѣ, мужская гимназія, — слава Богу, уже выдѣлила философскіе элементы курса въ особый учебный предметъ. Они преподаются теперь на особыхъ урокахъ и по учебникамъ, написаннымъ специалистами. Такимъ образомъ первый отдѣлъ книги г. Сосницкаго оказывается не только излишнимъ для нашихъ гимназистовъ, но посвященные ему страницы могутъ внести и нѣкоторую двойственность въ самое усвоеніе предмета. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ въ 7-мъ классѣ гимназіи преподается элементарная психологія, курсъ теоріи словесности въ 8-мъ долженъ съ нею считаться: онъ можетъ стать специальнѣе, и необходимо излагать его серьезнѣе.

Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній на книгу г. Сосницкаго:

1. На страницѣ 22 (см. примѣч. тамъ же) смѣшана работа фантазіи съ выдумкой.

2. На страницѣ 23 *точность* является однимъ изъ условій *яснаго* слога. Здѣсь какое-то недоразумѣніе.

3. На страницѣ 29 недостаточно выяснено понятіе *кавофоніи* и ни слова не сказано объ *эритміи*. Примѣръ на *кавофонію* неудаченъ (изъ русскаго перевода Фауста): ассонансы вовсе не обуславливаютъ *кавофоніи*.

4. Въ стихосложеніи отсутствуютъ пѣоны, нѣтъ ни слова о пентаметрѣ, и неправильно опредѣляется рима. То, что сказано о народномъ стихосложеніи, требуетъ нѣкоторой поправки.

5. На страницѣ 83 поэтическая идея смѣшивается съ общимъ мѣстомъ: оказывается, что въ „Макбетѣ“ «основная идея — честолюбіе (?) — ведетъ къ гибели».

6. На 113 страницѣ для чего-то порозничено названіе одного изъ сочиненій, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Гесіода.

7. На страницѣ 123 въ примѣчаніи допущены двѣ неточности относительно днапрмба.

8. На 131 страницѣ едва ли понятна будетъ ученикамъ нѣсколько тяжеловатая энграмма Д. Давыдова.

II. Аннотціи.

*Синтаксисъ русскаго языка. Составилъ *Ф. В. Ржизи*, преподаватель Нижегородской губернской гимназіи. Второе исправленное изданіе. М. 1908. Стр. 84. Цѣна 25 коп.

О первомъ изданіи этой книги въ свое время былъ данъ отзывъ. Отдавая должное педагогическимъ и научнымъ достоинствамъ книги

г. Ржиги, которая является плодомъ усерднаго и самостоятельнаго труда его надъ вопросами русскаго синтаксиса въ ихъ примѣненіи къ среднеучебному курсу, рецензентъ не находить и продолжаетъ не находить доводовъ г. Ржиги въ пользу его терминологическихъ нововведеній убѣдительно. Г. Ржига вноситъ въ нашъ учебный обиходъ терминъ *трехчленная простое предложенія*, при чемъ *дополненіе* включается въ составъ основныхъ или главныхъ членовъ предложенія. Въ научное подтвержденіе своего новшества г. Ржига приводитъ гипотезу Дельбрюка о первичности того типа словосочетаній, который мы находимъ въ древне-индійскомъ языкѣ въ видѣ предложеній, состоящихъ изъ однихъ именъ. Но при чемъ же тутъ трехчленность? Дельбрюкъ, какъ извѣстно, въ отличіе отъ Науля (Prinzipien der Sprachgeschichte, 2 Aufl. Halle. 1886, S. 99), признаетъ *одночленные* предложенія и даже *трихъ типовъ* (B. Delbrück, Vergl. Synt. der indogerm. Spr. Erster Theil. Strassburg. 1893, SS. 74 f.), но въ составъ этой группы отнюдь не входятъ предложенія, какъ *ятоюъ, знаю* (явно эллиптическія). Такимъ образомъ г. Ржига, который *одночленными* считаетъ, между прочимъ, и такъ называемыя неполныя, или эллиптическія предложенія, приводитъ на 8 страницъ въ примѣръ ихъ именно слова: *ятоюъ, знаю*, очевидно, вноситъ въ свою терминологию какіе-то иные критеріи; а потому эти критеріи и требуютъ другаго обоснованія, кромѣ ссылки на авторитетъ Дельбрюка.

Въ качествѣ примѣра на трехчленное предложеніе г. Ржига приводитъ фразу: *сосѣдь сосѣда звалъ* (стр. 7).

Но въ предисловіи понятіе о *трехчленности* предложенія освѣщается имъ нѣсколько иначе.

Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Ржига на стр. IV—V: „Въ теоріи языковъ древнихъ и новыхъ господствуетъ правило двучленной основы предложенія, въ дѣйствительности же европейскіе языки въ области мысли примѣняютъ трехчленное предложеніе, и русскою двучленное предложеніе въ двухъ именъ существительныхъ членахъ ими передатъ иначе, какъ формою трехчленнаго предложенія. Безъ трехчленнаго предложенія и соответствіе двухъ формъ мысли: дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ не было бы возможнымъ, если *дополненіе* было бы членомъ не главнымъ, а второстепеннымъ въ предложеніи“.

На VI стр. читаемъ:

„Въ педагогическомъ отношеніи весьма важно установить прочныя предѣлы мысли на значеніяхъ *предмета*, какъ *главнаго члена пред-*

ложенія, и дидактическая практика убѣдила меня, что введенное мною дѣленіе русскаго предложенія въ школы полезно и для переводчика цѣлесообразно".

Мнѣ кажется, что авторъ въ этихъ сужденіяхъ смѣшиваетъ двѣ точки зрѣнія на языкъ и на его преподаваніе. Изъ того, что на русскомъ языкѣ, какъ и по-санскритски, можетъ быть иногда двучленно выражена мысль, которая требуетъ для того, чтобы выразить ее по-нѣмецки, трехчленнаго предложенія, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы цѣлесообразно было вводить въ русскую учебную грамматику терминъ „трехчленное простое предложеніе“; но крайней мѣрѣ этимъ нельзя оправдать даннаго новшества.

Съ другой стороны, изъ того, что русскія фразы, опирающіяся на глаголь въ страдательномъ залогѣ, иногда заключаютъ въ себѣ обозначеніе дѣйствующаго лица, тоже неправильно, по моему, разсматривать трехчленность, какъ одну изъ основныхъ формъ русскаго синтаксиса.

Наконецъ, интересы переводчиковъ или вообще иностранцевъ, изучающихъ русскій языкъ, не могутъ являться критеріемъ для перестройки русской грамматической терминологіи въ учебникѣ русскаго языка, который расчитанъ на учениковъ обще-русской школы.

Я нарочно долѣе остановился на вопросѣ о дѣленіи предложень въ новомъ учебникѣ, потому что г. Ржига своимъ предисловіемъ показавъ, что придаетъ ему большое значеніе, а для рецензента книгъ по учебной русской грамматикѣ всякая попытка внести практически-полезное обновленіе въ учебный курсъ этого крайне неопредѣленнаго предмета должна представлять, конечно, особенный интересъ.

Думаю, что мнѣ удалось показать, что никакого существеннаго обновленія категорія трехчленныхъ простыхъ предложень въ русскіе учебники не внесетъ, хотя, по существу дѣла, называть ли предложеніе *сосѣдъ сосѣда звалъ*—трехчленнымъ или *распространеннымъ*, съ точки зрѣнія сознательнаго отношенія къ явленіямъ русскаго языка, безразлично.

Гораздо хуже другая новизна учебника: это—произвольное употребленіе термина *дѣепричастіе* (напр. на стр. 11). Г. Ржига относитъ къ дѣепричастнымъ формамъ слова: *судили, думали, рядили, избавлены* и т. п.

Для чего онъ это дѣлаетъ, и какъ совмѣстить сказанное имъ на 11 стр. съ изложеннымъ на 73 стр., гдѣ терминъ дѣепричастія употребленъ въ обычномъ примѣненіи, я не понимаю.

Во всякомъ случаѣ сказанную новизну я считаю вредной, такъ какъ она не только можетъ внести путаницу въ понятія учениковъ, но и противорѣчить даннымъ исторіи русскаго и вообще славянскихъ языковъ. Причастія на *лз* (по терминологіи Миклошича *part. praes. act. II*) получали еще въ старославянскомъ, но крайней мѣрѣ отъ *v. neutra*, значеніе *примателныхъ* (см. Fr. Miklosich, *Vergl. Synt. d. Slavisch. Spr.* 2 A. Wien. 1883, S. 817), что совершенно исключаетъ примѣненіе къ нимъ наименованія *днєпричастій*.

III. Американскій.

Ben-David. A NEW PRACTICAL AND PROGRESSIVE ENGLISH READER FOR RUSSIAN SCHOOLS AND COLLEGES CONSISTING OF CHOICE SELECTIONS IN PROSE AND POETRY FROM THE BEST ENGLISH AND AMERICAN AUTHORS. SYSTEMATICALLY ARRANGED IN FOUR GRADUAL COURSES. Course the first with a Pronouncing Vocabulary and a Sketch of Pronunciation for the use of Junior Classes. M. 1900, стр. XVI—110. Цѣна 70 коп.

Утвержденіе на стр. VIII книги г. Бенъ-Давида („отсутствіе въ русской педагогической литературѣ пособій по англійскому языку“) не соответствуетъ тому факту, что учебники Роджерса, Иванова, Пурока и другія англійскія пособія какъ спеціальнаго, такъ и общаго характера, уже много лѣтъ существуютъ въ почетѣ. Для примѣра назову: *English Modern Prose Reader* by Hugo Berger; *English Reader* by Ch. Turner; *English Reading Book* by William Bray; *Anecdotes for Classes* by I. Harrison; *English Reader* by Pauker; *English Stories* изд. W. Wilson; не говоря уже о „*Royal Readers*“ и „*New Readers*“ Лонгмана (обѣ книги составлены весьма опытными педагогами и одобрены англійскими педагогическими авторитетами); ими широко пользуются преподаватели англійскаго языка въ Россіи при классномъ и домашнемъ обученіи.

Утвержденіе г. Бенъ-Давида, что книга его представляетъ собою „последовательный курсъ“ (г. Бенъ-Давидъ говоритъ „*gradual courses*“, но всякій англійчанинъ сказалъ бы „*graduated courses*“), — совершенно невѣрно, ибо къоторыя страницы въ срединѣ книги — легче по содержанію предыдущихъ страницъ. Напримѣръ, рассказъ № 24 гораздо проще рассказовъ за №№ 8, 9, 10 и 11.

Что касается возможности и желательности предлагать подобные тексты начинающему ученику, то я сошлюсь на примѣчаніе къ стр. 67 учебника, составленнаго г. Пурокомъ „*Class Book and Reader*“, пользующагося достаточною извѣстностью. Это примѣчаніе гласитъ, что, по мнѣнію г. Пурока, нуженъ по крайней мѣрѣ годъ упражненій